

Польская поэзия: Александер Ват

Category: Goşgular, Kitapcy
написано kitapcy | 26 января, 2025
Польская поэзия: Александер Ват

• Предисловие

Алекса́ндер Ват (настоящая фамилия Хват, польск. Aleksander Wat, Chwat; 1 мая 1900, Варшава – 29 июля 1967, Париж) – польский писатель, поэт, переводчик; один из создателей польского футуризма.

Родился в Варшаве. По окончании гимназии (1918) изучал философию в Варшавском университете. Первая книга – поэтическая проза – «Я с одной стороны и Я с другой стороны моей мопсожелезной печурки» (Варшава, 1920). В 1920-1926 публиковал в периодике стихи. В начале 1920-х годов редактор авангардистских журналов. В 1929– 1931 редактор легального прокоммунистического журнала «Месенчик литерацки». В 1931 сидел в варшавской тюрьме (вместе с Броневским). В 1932-1939

работал в издательствах. Переводил русскую, немецкую, английскую прозу. В начале Второй мировой войны находился во Львове. В 1940 арестован НКВД и сидел в тюрьмах Львова (Замарстынов), Москвы, Саратова. Затем до 1946 жил в Казахстане (где тоже сидел). В 1946 вернулся в Польшу. Тяжело больной, выехал для лечения в 1955 во Францию и Италию. В 1957 в Варшаве вышла его новая книга «Стихи», в 1962 – «Средиземноморские стихи». С 1963 – эмигрант. В 1964-1965 жил в США, где Милош записал на магнитофон воспоминания Вата – «Мой век», – изданные посмертно. В 1966-1967 Ват жил во Франции. Покончил с собой, приняв большую дозу болеутоляющего. В 1968 в Лондоне вышла посмертная книга стихов – «Темный свет»; в 1992 в Кракове – «Собрание стихотворений». Публикуются также дневники Вата, его публицистика, эссеистика. Выходят монографии о нем. Здесь стихи разных лет. Переводы Астафьевой.

• ТЮРЕМНАЯ БАЛЛАДА

В карцере пятые сутки я трясся от холода ночью,
«О, не буди из дремоты меня, мой бедный сыночек».
Сын тянет ко мне с мольбою худые, как кости, руки:
«Зачем ты нас оставил в неволе, в беде и в муке».
Опять я впадаю в дрему, мучительно умирая:
«О, не буди, не надо, жена моя дорогая!»
Жена ко мне тянет руки, что голод пятнал следами:
«Выдержи. Выживи. Помни. Будь. Всегда. С нами».
Встаю. Глаза открываю. Дрожа, расправляю плечи:
Здесь преддверие смерти. В вечности будет встреча.

Замарстынов, 1940

• ИВЫ В АЛМА-АТЕ

Моей пропавшей семье

Ивы всюду ивы...

В инее как ты красива, алма-атинская ива.

Но если тебя забуду, сухая ива с улицы Розбрат,

Рука моя пусть отсохнет!
Горы всюду горы...
Тянь-Шань предо мною плывет лиловый –
Пена из света, камень из красок, блекнет и тает –
Но если тебя забуду, вершина Татр далеких,
Белый Поток, где с сыном о плаваньях мы мечтали,
а нас провожала улыбка нашей святой домашней, –
Пусть превращусь я в тяньианьский камень!
Если я вас забуду,
Если Тебя забуду, город ты мой родимый...
Ночь в Варшаве, дождь и гроза в Варшаве, где
«нищий просит у ворот,
пес ему лохмотья рвет»...
Спи, мой Ендрусь...
Раскину горестно руки, как плакучая польская ива.
Если я вас забуду,
Газовые лампы Журавьей – крестный путь моей любовной муки,
Светлые сердца, что крылись в темную стыдливость листьев,
И шепот, шорох, дождь, в аллее стук пролетки,
И златоперый рассвет голубиный...
Если Тебя я забуду, борющаяся Варшава,
Омытая кровью Варшава, хранящая свято могилы...
Если Тебя забуду...
Если я Вас забуду...

Алма-Ата, январь 1942

• Из цикла «НОКТЮРНЫ»

Was spricht die tiefe Mitternacht

Nietzsche*

Что говорит ночь? Ничего
не говорит. Ночь
молчит: ее рот
залит гипсом.
День – тот, конечно. Болтает.
Без цезур, без колебаний, без секунды

раздумья. И болтать так будет
пока не упадет и не умрет
от истощенья.
Однако же я слышал крик
ночью. Каждой. В известной
тюрьме на Лубянке
Какое контрастьто! Я сперва
думал, что Мариан Андерсон поет
спиричуэлз. А это был крик
не о помощи даже. В нем
были начало и конец
столь слитные что непонятно где
кончается конец
и начинается начало. То
кричит ночь.
То ночь кричит.
Хотя ее рот
залит гипсом.
То ночь кричит. Потом
день начнет свое траляля
пока не упадет и не умрет
от истощенья.
Ночь – не умрет.
Ночь не умирает
хотя ее рот
залит гипсом.

Сен-Манде, 1956

* *Что говорит глубокая ночь? Ницше (нем.).*

• ПАСХА

В двуконной карете с шиком
старик старозаветный
в блестящем черном цилиндре
едет из синагоги
качается, сам себе шепчет:

я царь, я царь, я царь.
Мужчины стоят рядами
женщины смотрят из окон
Вешают дети гирлянды
Жандармы встают на колени.
Но Ягве вытянул руку
сорвал цилиндр блестящий
надел венец терновый
И вот в двуконной карете
старик старозаветный
въехал прямо на небо.
Дымы над городом встали
Висят детей гирлянды
Женщины брошены наземь
Жандармы стоят рядами.

• ВЕЧЕРНЯ В НОТР-ДАМ

Вечером летним войди в собор,
играют Баха: Sois tranquille
Sois tranquille, mon ame...
Хорал витражей, корон сверканье,
мерцающий трепет ста тысяч свечек
взвихрили в воздухе пыль цветную,
в которой божественности не видят
художники постимпрессионисты...
Но свет – это дух святой, который
в собор сквозь стекло и свинец ворвался.
И здесь, смешавшись с музыкой Баха,
рождает в пространстве цветную гамму,
где каждый цвет – иное пламя
эон звучащий в огненных призмах
хор звучащих красок пламени песня
облако звуков в огне собора...
Живой огонь. В нем возродится
душа затравленная. Умерший Феникс.
Sois tranquille, mon ame... Sei ruhig, mein* Seel**

Sei ruhig

* *Успокойся, моя душа (фр., нем.).*

• **ДОМОЙ**

Посидел бы я с тобой немножко
на мазовецком песочке
поглядел бы на сосны
посвистел бы с дроздом на пару.
Но с тамошним. По-польски.
Паутинки бабьего лета
уж вплетаются в хвойные иглы
солнце заходит по-польски
и вересковая поляна
вся расцветает лилово,
так прекрасна в своем смиренье,
в своей приземленности возвышенной
горделивых кипарисов здешних.
Постоял бы я у березы,
такой вознесенной и белой,
такой нематериальной,
что, наверно, вовсе и не дерево
она, а фата-моргана,
сновиденье
– идеал – идея –
приземленно цветущей
грустной вересковой поляны.

Ванс, сентябрь 1956

• **ПЕРЕД ВИТРИНОЙ**

Мир. Он так мал,
что одной гитары
хватит
чтобы наполнить его звучаньем –
если играет на ней Любовь.
Любви не видно,

но она здесь.
Рядом с гитарой блюдо яблок
– знак королевский
в картах тарока;
осознание зла-добра;
плод Гесперид,
не золотой,
из разноцветья
нашего мира,
который так мал,
что одной гитары
хватит
и т. д.
Все это видно
кроме Любви
ее не видно
но она здесь
в малой витрине
лавки картин
в предместье Сент-Оноре

Париж, декабрь 1955

• Из цикла «СНЫ У СРЕДИЗЕМНОГО МОРЯ»

Двумя руками, сосредоточенно, очень бережно, доктор,
я нес впереди себя, как фонарь, тростниковую клетку,
а в ней трепетал мотылек, я не знаю названья.
Не белый, скорее соткан из света, но жилки крыльев
жестки и непрозрачны. Я сказал «фонарь», потому что
освещал дорогу передо мной. Ночь, а было светло.
Дорога шла по разливам, маслянистым, нога тяжело в них вязла.
Они были радужны, как голубиные шеи,
когда я, всю ночь прошлявшись
по городу, на рассвете возвращался домой, молодой Агасфер,
гоним приговором, не объявленным, но уже предчувствуемым.
И тут
я задумался и захлебнулся в прибое предчувствий, так что

он вырвался. С силой орла. И летел, как камень, но – вверх.
А потом – на запад. Но поскольку я шел своей прежней,
противоположной
дорогой, он вдруг вернулся и вновь закружился, но гневно,
о, даже заклекотал, он, прежде молчавший как мертвый.
И так повторилось, доктор, три раза. Но тщетно: дома
ждала меня мать, под крахмальной простыней, я должен был
исполнить свой сыновний долг. Мотылек же, не мотылек
– птица, махнул широким крылом, казалось, вовсе не гневный,
а отчаявшийся. Во мне. И улетел, навсегда.
Как же мне, доктор, без фонаря? И что значит этот сон, доктор?
Но прошу без секса. Мне не этого нужно: дыханья
для легких, света для сердца, пищи земной для глаз.
Ибо ночь и дорога
по душным разливам, а я без фонаря, без крыльев,
без клетки, и, право, не знаю, что делать мне со свободой
без моего мотылька?

* * *

для Леопольда Лабендзя¹

...frisst der Grimm seine Gestaltungen in sich hinein.

Hegel*

Что я могу поделаться, если я для тебя
lumen obscurum? ** Верь мне, я себя вижу
где-то внутри себя как светлую точку.
Даже прозрачную. На фоне Хаоса, да,
на темном. Но
ведь над всем сегодня
царит семантическое недоразуменье.
Не забывай однако ж, мой Ипполит:
мы оба с тобой пай-мальчики, что пошли,
в соломенных шляпах и белых блузах
с синей каймой, ранним солнечным утром
ловить сачками бабочек. А к ночи
они гоняются за зигзагами молний,
запыхавшись смертельно. Напрасно...

Ведь молнии Хаос
тоже не разорвут! Ничто его не
разорвет. Он себя разрывает сам. Пожирая
себя, кусок за куском, не насыщаясь.
А я с этим ничего не могу поделать,
дорогой друг.

Париж, июль 1963

* *...ярость сама пожирает свои ипостаси... Гегель (нем.).*

** *Темный свет (лат.).*

* * *

Красота вещей не земная
когда последний раз глядишь на них:
серебряная тарелка на столешнице красного дерева,
край облаков и неба розовый, цви-цви
нашего щебетуна Мацюси
и лицо жены. Ее глаза
на веки вечные аминь.

29 мая 1967

• **Примечания**

1 Леопольд Лабендзь (род. 1920) – публицист, редактор «Survey»
в Лондоне, друг Вата. Goşgular